

УДК 81`42

DOI: 10.15593/2224-9389/2021.4.1

Е.Н. Василенко

Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова,
Могилев, Республика Беларусь

Получено: 14.11.2021
Принято: 13.12.2021
Опубликовано: 27.01.2022

ИНТОЛЕРАНТНЫЙ ДИСКУРС В ОБЩЕЙ ПАРАДИГМЕ ДИСКУРСА

Рассмотрены интолерантный дискурс социальных групп как отдельный тип дискурса, а также соотношение интолерантного дискурса с конфликтным дискурсом и положение интолерантного дискурса в системе дискурсов власти. Установлено, что интолерантный дискурс и конфликтный дискурс находятся в отношениях пересечения и сближаются на основании двух глубинных характеристик, а именно: актуализации стереотипов в сознании участников дискурса и враждебности как основы функционирования данных дискурсов. Областью пересечения интолерантного и конфликтного типов дискурса являются межгрупповые конфликты ценностей, основанные на социальных стереотипах. При этом в сферу конфликтного дискурса попадают и другие типы конфликтов, а в сферу интолерантного дискурса – неконфликтные формы взаимодействия субъектов коммуникации. Интолерантный дискурс рассматривается как сфера реализации враждебного отношения мы-группы к они-группе, что позволяет трактовать его как один из типов дискурса власти. Автор приходит к выводу, что интолерантный дискурс представляет собой тип дискурса власти, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов. Интолерантный дискурс носит оценочный характер и включает в себя вербальные и невербальные способы манифестации негативного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в том числе врожденных или неизменяемых характеристик, таких как происхождение, пол, возраст и др. Вербальной составляющей интолерантного дискурса выступает «язык вражды», который может принимать более мягкие формы, нежели вербальная агрессия. Важнейшей коммуникативной стратегией в рамках интолерантного дискурса признается стратегия дискредитации «чужой» социальной группы.

Ключевые слова: *интолерантный дискурс, дискурс вражды, враждебный дискурс, дискурс ненависти, социальная группа, социальный стереотип, язык вражды, конфликтный дискурс, дискурс власти.*

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии / This work is licensed under Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0).

E.N. Vasilenko

Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus

Received: 14.11.2021

Accepted: 13.12.2021

Published: 27.01.2022

INTOLERANT DISCOURSE IN THE GENERAL PARADIGM OF DISCOURSE

The article studies the intolerant discourse of social groups as a separate type of discourse. The correlation between intolerant discourse and conflict discourse as well as the position of intolerant discourse in the system of discourses of power are considered. It is established that intolerant discourse and conflict discourse can intersect and converge on the basis of two underlying characteristics, namely, the actualization of stereotypes in the minds of discourse participants and hostility as the basis for the functioning of these discourses. Intolerant and conflict types of discourse overlap in the area of intergroup conflicts of values based on social stereotypes. At the same time, conflict discourse comprises other types of conflicts, while non-conflict forms of interaction of communicants fall into the sphere of intolerant discourse. Intolerant discourse is considered as a sphere of realization of the hostile attitude of *we-group* towards *they-group*, which makes it possible to interpret it as one of the types of the discourse of power. The author comes to the conclusion that intolerant discourse is a type of discourse of power that represents an intergroup conflict of values and is based on hostility as a reflection of social stereotypes in the minds of its subjects. Intolerant discourse is evaluative in nature and includes verbal and nonverbal ways of manifesting negative attitude towards social groups identified on the basis of various characteristics, including those belonging to the protected ones, such as origin, gender, age, etc. The verbal component of intolerant discourse is hate speech that can take milder forms than verbal aggression. The most important communicative strategy within the framework of the intolerant discourse is the strategy of discrediting the "other" social group.

Keywords: *intolerant discourse, discourse of enmity, hostile discourse, discourse of hatred, social group, social stereotype, hate speech, conflict discourse, discourse of power.*

Введение: интолерантный дискурс как объект исследования

В то время как исследования «языка вражды» (hate speech) активно проводятся по всему миру лингвистами, политологами, психологами, культурологами и специалистами в смежных областях [1], интолерантный дискурс, непосредственной составляющей которого и выступает «язык вражды», является достаточно новым объектом гуманитарных исследований. В связи с этим неудивительно, что его статус в лингвистике, равно как и сам термин – в научных работах встречаются термины «дискурс вражды», «враждебный дискурс» и «дискурс ненависти» – остается на данный момент неопределенным.

Данное исследование посвящено изучению дискурса, участниками которого выступают отдельные социальные группы, выделяемые на основании различных, в том числе врожденных или неизменяемых характеристик, таких как происхождение, пол, возраст и др. (подробнее см. [2]). В связи с этим наиболее оптимальным нам представляется использование термина «интолерантный дискурс», так как именно он отражает важнейшую роль толерантности как ценности современного общества в предупреждении межгрупповых социаль-

ных конфликтов. Остальные термины, на наш взгляд, могут использоваться как синонимичные, однако мы полагаем, что термин «дискурс ненависти» является наименее предпочтительным из всех предложенных, что связано с принятым в исследовании пониманием враждебности как глубинной установки личности, которая в крайнем своем проявлении *может* перерасти в ненависть и/или приводить к агрессивному поведению говорящего [3, с. 254] (по тем же причинам мы предпочитаем использовать термин «язык вражды», а не буквальный перевод англоязычного *hate speech* – ‘речь ненависти’).

Статья направлена на выявление конституирующих признаков интолерантного дискурса социальных групп, позволяющих определить его место в общей парадигме дискурса. Для этого мы рассмотрим соотношение интолерантного дискурса с конфликтным дискурсом и его положение в системе дискурсов власти.

Основания для сопоставления интолерантного и конфликтного типов дискурса

Дискурсивное пространство включает различные типы дискурсов, которые сосуществуют в непрерывной связи и взаимодействии. К основным критериям типологии дискурса в лингвистике принято относить модус, или канал передачи информации, форму организации, социальные отношения участников, коммуникативную сферу (формат дискурса, функциональный стиль) и др. (см. подробнее [4]).

Одним из оснований для классификации дискурса выступает коммуникативная тональность, понимаемая как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [5, с. 99]. Коммуникативная тональность является когнитивно, прагматически, культурно и ситуативно обусловленной [6, с. 153] и представляет собой целый спектр характеристик дискурса: официальный, серьезный, шуточный, дружелюбный, враждебный, безразличный, мечтательный и пр. [7]. Типология коммуникативной тональности, наряду с другими основаниями (одноплановость / многоплановость смыслов; заданность / открытость смыслов; серьезность / несерьезность общения; приоритет содержания / формы общения; конкретность / отвлеченность тематики), может строиться по критерию кооперативности / конфликтности общения [5].

Именно на этом основании выделяется один из самых распространенных в человеческом коммуникативном репертуаре [8, с. 4] конфликтный тип дискурса, реализация целей которого ведет к дестабилизации отношений коммуникантов [9]. Зачастую в лингвистических исследованиях конфликтное речевое поведение трактуется, помимо прочего, как поведение интолерант-

ное, и наоборот (это обусловлено очевидной связью категорий конфликтности и интолерантности с категориями толерантности, кооперативности и вежливости – см., например, [10, с. 30]), однако, на наш взгляд, ставить знак равенства между данными понятиями не стоит.

Н.А. Белоус, автор фундаментального исследования семантической и прагматической организации конфликтного дискурса, отмечает, что в основе конфликтного сознания коммуникантов лежат стереотипы, ориентация и предпочтения, тесно связанные с враждебностью, а семантической основой функционирования конфликтного дискурса являются языковые средства представления враждебности [11, с. 21].

Как и в случае с конфликтным поведением, в основе интолерантного поведения, в том числе коммуникативного, лежат стереотипы. Уточним, что в рамках интолерантного дискурса речь идет о социальных стереотипах, выступающих неотъемлемым компонентом когнитивного процесса социальной категоризации и позволяющих человеку относить других людей к «своей» или «чужой» социальной группе (подробнее см. [2]). Интолерантность, или враждебность, в этом случае трактуется как негативное отношение к представителям «чужой» социальной группы, которое может приводить к развитию конфликтов.

Таким образом, такие конституирующие признаки конфликтного дискурса, как 1) актуализация стереотипов в сознании коммуникантов и 2) враждебность как семантическая основа функционирования конфликтного дискурса, и позволяют сопоставить его с интолерантным дискурсом.

Соотношение конфликтного и интолерантного дискурсов

Предложенное Н.А. Белоус определение конфликтного дискурса выглядит следующим образом: конфликтный дискурс – «такое речевое взаимодействие собеседников, иллюкутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, репрезентация которых содержит имплицитные или эксплицитные инвективы, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга» [11, с. 5].

В данном определении прослеживаются следующие – помимо двух выделенных выше – конституирующие элементы конфликтного дискурса: 3) взаимодействие собеседников, предполагающее вербальное воздействие; 4) столкновение коммуникативных целей собеседников; 5) языковая репрезентация враждебности в виде имплицитных или эксплицитных инвектив и 6) появление негативных эмоций в результате осуществленного взаимодействия. Рассмотрим эти характеристики в отношении интолерантного дискурса.

Взаимодействие собеседников, в том числе речевое, не выступает обязательным условием реализации интолерантного дискурса: ни социокогнитивное, ни коммуникативное измерение враждебности не предполагают обязательного вступления субъектов в диалог (как в узком, так и в широком понимании): в социокогнитивном измерении – враждебность как ориентация личности – не обязательно непосредственное присутствие или контакт с субъектом, на которого направлена враждебность; в коммуникативном измерении враждебность раскрывается не только при речевом взаимодействии двух или более субъектов, а может манифестироваться в монологических высказываниях, не предполагающих (или предполагающих лишь косвенно) интеракцию с адресатом – «мишенью» враждебности.

Столкновение коммуникативных целей собеседников также не является неизменным условием интолерантного дискурса: в последнем случае речь идет о конфликте ценностей, который может (но необязательно) принимать ту или иную, в том числе вербальную, форму конфликта. В связи с этим отметим, что в случае, когда интолерантный дискурс пересекается с дискурсом конфликтным, к нему становятся применимы и такие характеристики, как вербальное воздействие на собеседника, появление негативных эмоций в результате осуществленного взаимодействия и даже языковая репрезентация враждебности в виде имплицитных или эксплицитных инвектив.

Однако речевая агрессия выступает, в первую очередь, языковой репрезентацией конфликтного дискурса (так, по утверждению К.Ф. Седова, коммуникативный конфликт – «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [12]), в то время как «язык вражды» как вербальная составляющая интолерантного дискурса не обязательно принимает агрессивные формы: враждебность еще не есть агрессия [3, с. 255].

Принимая во внимание все изложенное выше, полагаем, что интолерантный дискурс и конфликтный дискурс находятся в отношениях пересечения. Указанные типы дискурса сближаются на основании двух глубинных характеристик, а именно: актуализации стереотипов в сознании участников дискурса и враждебности как основы функционирования данных дискурсов. Областью пересечения интолерантного и конфликтного типов дискурса являются межгрупповые конфликты ценностей, основанные на социальных стереотипах. При этом в сферу конфликтного дискурса попадают и другие типы конфликтов, а в сферу интолерантного дискурса – неконфликтные формы взаимодействия субъектов коммуникации.

На данном этапе можно заключить, что интолерантный дискурс в отношении социальных групп представляет собой тип дискурса, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов. Вербальной составляющей интолерантного дискурса выступает «язык вражды».

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса сопоставимо с соотношением речевой агрессии и «языка вражды» как их важнейших компонентов.

Интолерантный дискурс как дискурс власти

Рассматривая интолерантный дискурс как тип дискурса, организующей доминантой которого выступает категория враждебности, мы в первую очередь говорим о враждебности, проявляемой со стороны мы-группы по отношению к они-группе (в психологии используются термины ингруппа и аутгруппа соответственно – см., например, [13]), то есть со стороны сильного по отношению к слабому. Именно этот аспект позволяет рассматривать интолерантный дискурс как один из типов дискурса власти.

Значение термина «власть» не сводится нами исключительно к пониманию власти как политического института, а трактуется широко – как «возможность оказать воздействие на что-то и на кого-то» [14, с. 418]. В таком понимании власть необязательно осуществляется в рамках политики, власть – это черта военных, семейных, педагогических и других отношений. При этом очевидно, что именно политический дискурс представляет собой ярчайший пример дискурса власти, в связи с чем кратко остановимся на взаимосвязи интолерантного и политического дискурсов.

О близости интолерантного и политического дискурсов (разумеется, в данном случае речь идет о дискурсах, выделяемых по разным основаниям – политический дискурс может быть как толерантным, так и интолерантным, однако нас интересует их взаимоотношение с точки зрения принадлежности к дискурсам власти) свидетельствует тот факт, что ролевым маркером обоих дискурсов выступает оппозиция *свой – чужой* [4, 15, 16]. Чуждость в политическом дискурсе подразумевает принадлежность к иной идеологии, в интолерантном – к иной социальной группе. Такое разделение на «своих» и «чужих», с одной стороны, дифференцирует групповых участников дискурсов власти, а с другой – служит цели консолидации внутри «своих».

Основной функцией дискурсов власти, очевидно, является борьба за установление и удержание власти, что отражается в ярко выраженной прагматической направленности этих дискурсов. Несомненно, одним из важнейших средств воздействия на адресата выступает язык [17], при этом выбор говорящим коммуникативной стратегии в значительной степени обусловлен конкретным типом дискурса. Так, основной стратегией, направленной на достижение коммуникативной интенции в рамках политического дискурса, выступает стратегия убеждения [4], в то время как важнейшая стратегия интолерантного дискурса – стратегия дискредитации: легитимация власти мы-группы в рамках отдельного дискурсивного сообщества осуществляется,

в первую очередь, за счет транслирования негативного отношения к «чужой» социальной группе и присваивании себе права навязывать свои ценности и давать оценку ее представителям (подробнее см. [18]).

Заключение

Таким образом, мы можем уточнить предложенное выше определение интолерантного дискурса в отношении социальных групп: интолерантный дискурс – тип дискурса власти, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов. Интолерантный дискурс носит оценочный характер и включает в себя вербальные и невербальные способы манифестации негативного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в том числе врожденных или неизменяемых характеристик. Вербальной составляющей интолерантного дискурса выступает «язык вражды». Важнейшей коммуникативной стратегией в рамках интолерантного дискурса является стратегия дискредитации «чужой» социальной группы.

Список литературы

1. Paz M.A., Montero-Díaz J., Moreno-Delgado A. Hate speech: a systematized review [Electronic resource] // SAGE Open. – 2020. – № 10. – P. 1–12. – URL: <https://j.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020973022> (accessed: 10.05.2021).
2. Василенко Е.Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды Белорус. гос. технологич. ун-та. Сер. 4. Принт- и медиатехнологии. – 2021. – № 2(249). – С. 90–97.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
4. Василенко Е.Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе. – Могилев: Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2018. – 164 с.
5. Карасик В.И. Коммуникативная тональность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 99–109.
6. Тупикова С.Е. Разграничение понятий «высказывание», «дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 148–154.
7. Багдасарян Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи / отв. ред. В.Е. Гольдин [и др.]. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 240–245.
8. Белоус Н.А. Прагматические причины реализации конфликтного дискурса // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 4–7.
9. Каразия Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник Камчат. регион. ассоц. «Учебно-научный центр». Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (8). – С. 72–88.
10. Крысин Л.П. Толерантность как социолингвистическая категория // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 27–32.

11. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 42 с.
12. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2002». (Москва, 27–30 мая 2002 г.). – М., 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (дата обращения: 12.06.2021).
13. Whitley В.Е. Jr., Kite М.Е. The psychology of prejudice and discrimination. – 2nd ed. – Wadsworth: Cengage Learning, 2010. – 692 p.
14. Алексеева Т.А. Власть // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 418–419.
15. Канчани П. Оппозиция «свои – чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 260 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
17. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
18. Василенко Е. Создание негативного образа социальной группы в интолерантном дискурсе: лингвопрагматический аспект // WEST–EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). – 2021. – Vol. 6, № 1. – С. 86–92.

References

1. Paz M.A., Montero-Díaz J., Moreno-Delgado A. Hate speech: A systematized review. *SAGE Open*, 2020, no. 10, pp. 1–12, available at: <https://j.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020973022> (accessed 10.05.2021).
2. Vasilenko E.N. “Iazyk vrazhdy” kak forma proiavleniia konfliktov, osnovannykh na stereotipakh [Hate speech as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Print- i mediatekhnologii*, 2021, no. 2(249), pp. 90–97.
3. П'ин Е.Р. Psikhologiya obshcheniia i mezhlichnostnykh otnoshenii [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg, Piter, 2009, 576 p.
4. Vasilenko E.N. Iazykovye sredstva ubezhdeniia v politicheskom diskurse [Language means of persuasion in political discourse]. Mogilev, Kuleshov Mogilev State University, 2018, 164 p.
5. Karasik V.I. Kommunikativnaia tonal'nost' [Communicative tonality]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2008, no. 10, pp. 99–109.
6. Tupikova S.E. Razgranichenie poniatii vyskazyvanie, diskurs, rechevoi zhanr, tonal'nost' v sovremennoi lingvistike [Definition of notions “statement”, “discourse”, “speech genre” and “tonality” in modern linguistics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 3, pp. 148–154.
7. Bagdasarian T.O. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra “ugroza”) [Tonality as a component of the speech genre model (based on the material of the “threat” speech genre)]. *Zhanry rechi*. Ed. V.E. Goldin. Saratov, 2002, vol. 3, pp. 240–245.

8. Belous N.A. Pragmatichekie prichiny realizatsii konfliktnogo diskursa [Pragmatic reasons of conflict discourse]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2008, no. 2, pp. 4–7.
9. Karaziia N.A. Lingvopragmaticheskoe issledovanie konfliktnogo diskursa [Pragmatic research of conflict discourse]. *Vestnik Kamchatskoi regional'noi assotsiatsii Uchebno-nauchnyi tsentr. Gumanitarnye nauki*, 2006, no. 2(8), pp. 72–88.
10. Krysin L.P. Tolerantnost' kak sotsiolingvisticheskaia kategoriia [Tolerance as a sociolinguistic category]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoi kommunikatsii*. Eds. N.A. Kupina, O.A. Mikhailova. Yekaterinburg, Ural University, 2004, pp. 27–32.
11. Belous N.A. Konfliktnyi diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmatichekie aspekty [Conflict discourse in the communicative space: Semantic and pragmatic aspects]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Krasnodar, 2008, 42 p.
12. Sedov K.F. Iazykovaia lichnost' v aspekte psikholingvisticheskoi konfliktologii [Language personality in the psycholinguistic conflictology]. *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Proc. Int. Sci. Conf. Dialog 2002. (Moscow, May 27–30th, 2002). Moscow, 2002, available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (accessed 12.06.2021).
13. Whitley B.E. Jr., Kite M.E. The psychology of prejudice and discrimination. 2nd ed. Wadsworth, Cengage Learning, 2010, 692 p.
14. Alekseeva T.A. Vlast' [Power]. Novaia filosofskaia entsiklopediia. Ed. V.S. Stepin et al. Moscow, Mysl, 2010, vol. 1, pp. 418–419.
15. Kanchani P. Opozitsiia "svoi – chuzhie" kak pragmatichekaia dominanta politicheskogo diskursa [The friend-or-foe opposition as a pragmatic dominant of political discourse]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 2007, 260 p.
16. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 326 p.
17. Blakar R.M. Iazyk kak instrument sotsial'noi vlasti (teoretiko-empiricheskie issledovaniia iazyka i ego ispol'zovaniia v sotsial'nom kontekste) [Language as an instrument of social power (theoretical and empirical studies of language and its use in social context)]. *Iazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeistviia*. Ed. V.V. Petrov. Moscow, Progress, 1987, pp. 88–125.
18. Vasilenko E. Sozdanie negativnogo obraza sotsial'noi grupy v intolerantnom diskurse: lingvopragmaticheskii aspekt [Creating a negative image of a social group in intolerant discourse: Linguopragmatic aspect]. *WEST-EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 86–92.

Сведения об авторе

ВАСИЛЕНКО Екатерина Николаевна
e-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь)

About the author

Ekaterina N. VASILENKO
e-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus)